УДК 39+2
ББК 63.5+86.2
Э91

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 12-01-16086

Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов». Раздел Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Социальные трансформации и конфликты Нового и Новейшего времени в сравнительно-исторической перспективе»

Рецензенты:
доктор исторических наук М.Н. ГУБОГЛО,
доктор исторических наук А.В. МАЛАШЕНКО

Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Наука, 2012. – 653 с. – ISBN 978-5-02-038025-7 (в пер.).

Монография посвящена изучению современных этнических и религиозных конфликтов в ряде важнейших регионов мира (Европа, Канада, Центральная Азия, Ближний Восток, Северная Африка, Индия). В ней анализируются четыре типа разных конфликтов: спонтанные конфликты, погромы, отличающиеся быстротечностью, слабой организованностью и повышенной эмоциональностью участников; гражданско-правовые конфликты в рамках политического процесса; открытые вооруженные конфликты; религиозные конфликты, которые обычно описываются как «столкновение цивилизаций». В книге освещаются история конфликта, причины и поводы, приведшие к нему, особенности противоборствующих сторон, преследуемые ими цели и интересы, соотношение рациональных и иррациональных мотиваций конфликта, роль этнической солидарности и эмоций, связанных с участием в «общем деле», эскалация конфликта, характер насильственных действий, их объяснения, даваемые обеими сторонами, участие в конфликте третьих сторон (мировых держав и сообществ, а также роль диаспор), выход из конфликта (особенности миротворческого переговорного процесса). Уделяется внимание коллективной травме, влияющей на социальную память и играющей большую роль в идеологии конфликтности, а также накладывающей отпечаток на взаимоотношения бывших противников после окончания конфликта.

Для историков, этнологов, социологов, политологов, а также преподавателей высших учебных заведений гуманитарного профиля.

ISBN 978-5-02-038025-7

© Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2012

Часть I

СПОНТАННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПОГРОМЫ

С.Н. Абашин, И.С. Савин

ОШ, 2010: КОНФЛИКТУЮЩАЯ ЭТНИЧНОСТЬ*

В ночь с 10 на 11 июня 2010 г. в городе Ош на юге Кыргызстана вспыхнули ожесточенные столкновения между различными группами жителей региона. Стычки, нападения и погромы быстро распространялись и охватили весь город, затем перекинулись на второй по величине и значению город Джалалабад и в другие местности. Число жертв, как многие считали, достигло 2 тыс. человек (правда, в результате последующего расследования было названо 438 погибших). Среди других впечатляющих последствий были фактически полностью разрушенные городские кварталы, тысячи раненых, изнасилованных и морально пострадавших, сотни тысяч беженцев (рис. 1). Столкновения, стремительно начавшиеся, так же внезапно закончились. К 15 июня массовые волнения прекратились. Насилие продолжалось и после этой даты, но приняло более легитимный по форме характер «зачисток» и преследований со стороны государственных силовых структур тех, кто рассматривался как участники волнений, или тех, кто оказался удобной мишенью для такого рода обвинений.

Постепенно, по мере внешней стабилизации ситуации, конфликт переместился в политическую, правовую и информационную плоскости, где возникла и до сих пор продолжается очень бурная и бескомпромиссная полемика о том, что произошло в Оше и Джалалабаде, каковы причины этого и, главное, кто виноват. Накал страстей на этой стадии оказался, пожалуй, не менее ожесточенным, чем во время самих погромов, поскольку вопрос об интерпретации и оценке последних превратился в вопрос самоидентификации для значительного круга людей, кто в самих столкновениях не принимал участия, но вынужден был тем или иным образом обозначить свое отношение к ним. Дополнительную остроту придал и тот факт, что международные правозащитные организации и Международная независимая комиссия, которая действовала с одобрения ООН и ОБСЕ, указали на целый ряд вопиющих преступлений со стороны властей во время погромов и после них, на что подавляющая часть политической элиты Кыргызстана, раздираемой внут-

*Мы благодарим В.А. Шнирельмана и Н.А. Багдасарову за советы и критические замечания при подготовке статьи.

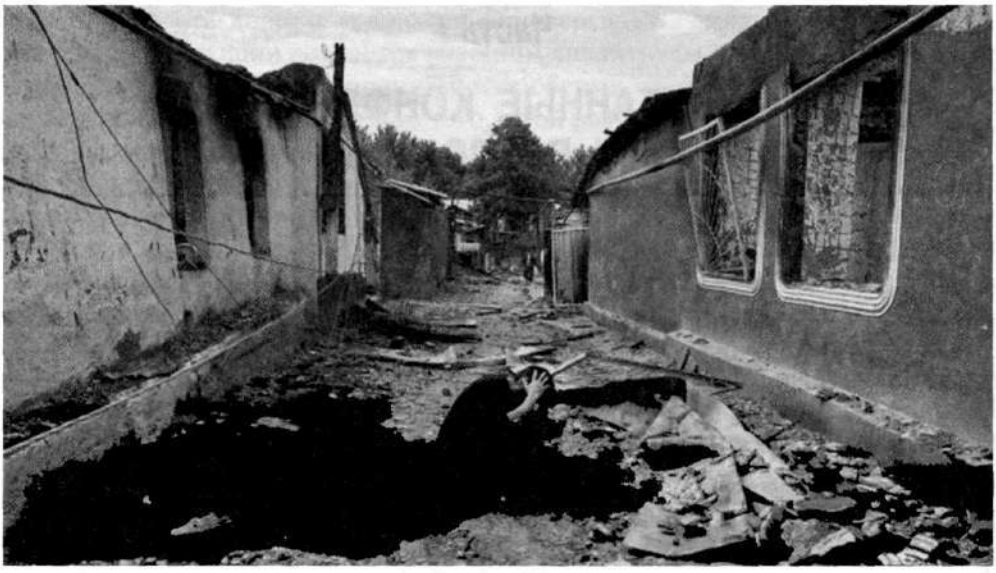

Рис. 1. **Разгромленные кварталы в Оше**

ренними склоками, тем не менее очень единодушно ответила протестами и возражениями[1].

Помимо политического противостояния Ошские события вызвали смятение в рядах академических аналитиков, которые оказались в некотором затруднении с тем, как назвать произошедшее и какую модель выбрать для его объяснения. Именно на этой проблеме мы собираемся остановиться более подробно в настоящей статье.

Одной из основных линий обсуждения стал вопрос о том, можно ли считать события этническим конфликтом или же имело место нечто другое – более сложный и хаотический процесс, в котором этничность была скорее внешней формой прикрытия или манипуляции. На первый взгляд, этот вопрос выглядит парадоксально: погромы имели довольно ясно артикулированное разделение на враждующие стороны: кыргызов и узбеков; даже те, кто непосредственно не участвовал в столкновениях и не был настроен на конфронтацию, принимал это разделение (рассказ о том, как кыргызы спасали узбеков или, наоборот, от погромщиков, все равно содержит в себе исходную этническую оппозицию); наконец, все постконфликтные баталии в самом Кыргызстане сводятся в итоге к тому, кто – узбеки или кыргызы – были главной жертвой насилия. Иначе говоря, на всех этапах Ошских событий этничность уже присутствовала и уже создавала основной язык противостояния. В этом смысле отказ от названия «этнический конфликт» сам по себе, может быть, и имеет практический смысл (например, снизить накал взаимных обвинений и «вырулить» на какие-то формы урегулирования[2]), но аналитически не решает никаких проблем и не помогает описать более корректно то, что случилось. Более того, выйти за рамки модели этнического конфликта оказывается не так-то просто: например, французский антрополог Борис Петрик, начиная свой небольшой очерк о событиях в Оше с критики термина

«межэтнический конфликт», заканчивает свой анализ тем, что описывает, как схватка разных группировок и воздействие различных сил извне в итоге «вылились в межэтническую бойню», «в межэтнический конфликт между киргизами и узбеками»[3]. Такое противоречивое словоупотребление встречается у многих исследователей, какую бы позицию они ни отстаивали.

Тем не менее критика понятия «этнический конфликт» имеет свою логику. Основным аргументом против него является желание не смешивать категории практики с категориями анализа, т.е. сделать те объяснения, которые существуют и возникают у вовлеченных в события сторон, самостоятельным объектом изучения и осмысления.

Такого рода критика имеет собственную историю и историографию. Применительно к Средней Азии она возникла после событий 1990 г., когда в течение недели (4–7 июня) в Оше и потом в другом соседнем городе – Узгене и его окрестностях произошли очень похожие столкновения, в результате которых погибли около 170 человек (мы еще вернемся к этому событию в статье)[4]. В.А. Тишков в статье «Анализ этнического насилия в Ошском конфликте» выступил против точки зрения, что в основе конфликта лежат чувства глубоко укоренившейся отчужденности и враждебности по отношению к «другим», ущемление «естественных потребностей» этнической группы[5]. Возражения выглядели так: этнические группы не настолько сплоченные, и все ее члены не разделяют одинаковые цели, внутри группы тоже могут быть распри и конфликты; зачинщиками конфликтов являются не самые обездоленные, а титульные группы (точнее даже их элиты), которые обеспечены ресурсами и институтами; даже в момент конфликтов мы видим не только ненависть, но и сотрудничество представителей конфликтующих групп[6]. Имея это в виду, В.А. Тишков вовсе отказался описывать Ошские события 1990 г. как «некий социальный монолит... со своим анамнезом и внутренней моделью», как «конфликт двух народов», предложив вместо этого увидеть «серию местных эпизодов» без какой-либо программы и спланированной стратегии, со скоротечными действиями, отсутствием явной иерархии, воздействием слухов-мифов и алкоголя, сниженным порогом в осмыслении реальности и сверхактивностью «параноидальных» личностей. Конфликт был разложен таким образом на множество мелких деталей, каждая из которых не имела ничего специфически этнического, а объяснялась локальными, социальными или психологическими причинами. Впрочем, этничность не исчезает вовсе из поля зрения исследователя, и он указывает на «длительную прошлую индоктринацию титульного национализма», которая стала причиной этнических переживаний кыргызской части осужденных за насилие.

Тема «индоктринации» извне идеологически и политически заданных схем и моделей получила развитие в работах целого ряда ученых – политологов и антропологов, имевших опыт работы в Средней Азии в качестве сотрудников международных организаций в 1990–2000-е годы[7]. Объектом их внимания стали как раз эти самые международные институты, которые, по мнению критиков, вдохновлялись в своей деятельности «дискурсом опасности», где, в частности, этнические группы уже существуют как противостоящие друг другу сущности.

В статье британского антрополога Мэдлин Ривз «Обнаруживая опасность: конфликтология и поиск устойчивости границ в Ферганской доли-

не» говорится о том, что любое многокультурное сообщество считается «внешними» экспертами потенциально кризисным, а этничность, территория и гражданство рассматриваются изоморфными понятиями, нарушение взаимосвязи между которыми ведет к опасности[8]. Мнению конфликтологов она противопоставляет позицию людей, которые находятся «внутри» и смотрят на ситуацию не так драматично и не оценивают ее исключительно этнически. Схожую аргументацию приводит британский географ Ник Мегоран в статье «Изучая этнический конфликт: эпистемология, политика и дискуссия о среднеазиатской границе»[9]. Этничность, как он считает, «один элемент сложной социальной идентичности... чувствительный к контексту динамический процесс непрекращающихся переговоров»[10], она связана в повседневных представлениях не столько с логикой территориального национального государства, сколько с пересекающими границы родственными связями, с социальными и локальными различиями. Соответственно, Мегоран проводит различие между элитной концепцией этничности и народным значением, которое ей придается, первая, по его мнению, является способом манипулирования.

Каким образом можно оценить всю эту критику в адрес понятия *этнический конфликт*, если смотреть на последний после новых Ошских событий в 2010 г.? Удалось ли критикам сформировать категории анализа для описания такого рода столкновений? Или же почти полное повторение спустя 20 лет того, что происходило в 1990 г. – с господством публичных этнических оппозиций, ставит под сомнение их усилия?

В небольших текстах, написанных по первым впечатлениям от происходящего, исследователи делают заметный сдвиг в своих рассуждениях. Фокус, в частности, смещается с критики элитного (или внешнего) дискурса к обсуждению того, как сами люди используют этнические категории, определяя стратегии своего поведения. Например, Ник Мегоран в заметке «Предпосылки Оша: истории конфликта и сосуществования» говорит о нарративах сотрудничества и противостояния, причем последние разделяет на конкурирующие между собой узбекский и кыргызский. Он пишет: «Эти нарративы, конечно, упрощенные: каждый выбирает свою особенную историю и перспективу. Тем не менее они широко узнаваемы и значимы для понимания нынешней поляризации»[11]. Мэдлин Ривз в своей заметке «Этнизация насилия в Южной Киргизии» также решительно возвращает этничность в проблемное поле: «Я не хочу сказать, что этническая проблематика не имеет отношения к нынешнему конфликту. Она имеет отношение, точнее, получила его, – но в таком аспекте, который требует продолжительного анализа. На людей нападают, их дома жгут, их предприятия грабят... потому что они относят себя (или их относят) к киргизам или узбекам. Таким образом, этническая принадлежность в настоящий момент имеет большое значение и может провоцировать насилие. Но это только начало нашего объяснения, а не его конечная точка»[12]. Исследовательница по-прежнему настроена на критическое рассмотрение понятия *этнический конфликт* и стремится увидеть более сложное социальное разнообразие, однако постулируемая цель, по ее мнению, на этом не должна заканчиваться: «необходимо серьезно проанализировать прогрессирующую этнизацию общественной жизни – процесс, приведший к тому, что в момент конфликта этническая принадлежность ста-

ла наиболее влиятельной, привлекательной и всепоглощающей социальной идентичностью... задача аналитика состоит в том, чтобы выяснить, почему и когда начался этот процесс этнизации, и по какой причине она прогрессировала с такой разрушительной скоростью».

Этот сдвиг в осмыслении ситуации в Кыргызстане явно идет вслед за концептуальным сдвигом в осмыслении этничности, который предложил и отстаивает американский социолог Роджер Брубейкер. Он попытался оживить и сдвинуть с мертвой точки старую позицию конструктивистов (в их споре с примордиалистами, или, в его терминологии, «группистами»), которая с какого-то времени свелась к набору повторяемых утверждений о том, что этничность имеет произвольный, множественный, непостоянный, контекстуальный и пр. характер[13]. Брубейкер указывает: «То что этничность сконструирована – это избитая фраза; *как* она сконструирована – вот что редко изучается в деталях»[14]. Как считает Брубейкер, было бы «легкомысленно или наивно» не учитывать этничность в тех регионах и ситуациях, где существует постоянный этнополитический конфликт и где этнические различия сильно политизированы, стабильны и глубоко укоренены. Однако исследователь не призывает вернуться к прежнему примордиалистскому взгляду, согласно которому этнические группы борются за ресурсы и доминирование, а предлагает обратить внимание на «формы и динамики этнизации, на многие и едва различимые способы, в которые насилие – и условия, процессы, действия и нарративы, связанные с насилием, – может этнически окрашиваться»[15].

«Этничность – это способ видеть, способ говорить, способ действовать; умелое практическое исполнение; когнитивная, дискурсивная и прагматическая рамка; способ понимания и интерпретации опыта», – пишет Брубейкер[16]. Из этого следует еще один важный вывод: этничность не принадлежит только элите и не определяется элитой, а существует, точнее создается во взгляде, в языке и повседневном поведении всех людей, конечно, индивидуализируясь в каждой персональной биографии. Это не означает, что политика, идеология, государственные и прочие институты не влияют на способы видения, говорения и действия в обществе, но это означает, что последние не сводятся исключительно к «этническому предпринимательству» элиты, а становятся устремлениями и интересами разных социальных акторов.

Настоящая статья – попытка сделать шаги в направлении изучения Ошских событий в том же самом ключе. Свою задачу мы видим не в том, чтобы доказывать, можно ли назвать события на юге Кыргызстана в июне 2010 г. *этническим конфликтом*, или это делать никак нельзя. Наша задача состоит в том, чтобы показать, как этничность «работала» до этих событий, во время них и после и как они понимались с помощью этничности. Мы считаем, что в обществе имеют место другие стратегии поведения и что существуют и практикуются множество разделений, но нас интересует, каким образом в конечном итоге разные объяснения, мифологии, лояльности приобретают этнически выраженный характер, родственные, социальные и региональные идентичности перекодируются в этнические и споры за воду, землю, другие ресурсы, формальную или неформальную власть, понимаются как этническое столкновение. Наша задача – не найти «истинные» причины Ошских

событий и не восстановить «истинный» их ход, а указать, какими средствами противоречия и недовольства этнизируются, этничность превращается в картографию конфликта, его объяснительную модель, средство мобилизации и манипуляции.

«ЭТО НАША ЗЕМЛЯ»: МЕСТНЫЕ И ПРИЕЗЖИЕ

В своей книге «Переосмысленный национализм» Роджер Брубейкер описал три варианта национализмов, которые возникли в Восточной Европе и на пространстве СССР в XX столетии[17]: 1) национализирующиеся национализмы вновь образовавшихся государств, которые апеллируют к правам «стержневой» (или «титульной») национальности, определяемой в этнокультурных терминах, и которые провозглашают «титульную» нацию «владельцем» государства; этот вид национализма говорит о незавершенности национального строительства, о слабой культурной, экономический и демографической позиции «титульной» национальности внутри государства, чем оправдывает дискриминацию других этнических групп в пользу «своих»; 2) трансграничные национализмы, или «национализмы исторической родины» (homeland nationalisms), которые видят и конструируют категорию «соотечественников» за пределами «своих» государств, рассматривают нацию как трансграничную общность и формулируют различные программы ее поддержки или даже объединения; 3) национализмы национальных меньшинств, которые, как и трансграничные национализмы, противопоставляют себя национализирующимся национализмам, но способны ставить собственные цели и стратегии, в том числе и потому, что не связаны напрямую со «своим» государством и могут иметь менее централизованный характер.

Конфигурация отношений внутри этого треугольника, о котором пишет Брубейкер, создает то официальное политическое пространство различий, тот публичный язык обвинений и защиты, к которому прибегают разные действующие лица и силы. В этом пространстве, в частности, происходит кодирование (наполнение содержанием и умножение смыслов) национальных идентичностей при помощи разного рода метафорических и метонимических оппозиций – свои/чужие, коренные/приезжие, большинство/меньшинство. Эти оппозиции превращаются в ярлыки и клише, становясь предметом дискуссии, групповой стигмы, политических заявлений.

Пространство, о котором идет речь, было создано не в 1990 или 1991 гг., а в 1920-е годы, когда в Средней Азии, которая оказалась полем для большевистских реформ, было произведено национально-государственное размежевание. Проведение новых границ в регионе, создание новых институтов управления, связанных со статусом своеобразного псевдогосударства («республики»), политика коренизации и другие изменения тех лет имели целый ряд серьезных последствий. В их числе: стабилизация национальных категорий (в нашем случае узбеки и кыргызы) и превращение их (через разного рода персональные документы) в один из обязательных статусов и характеристик каждого жителя страны; жесткое увязывание национальных категорий с теми или иными территориями, определение последних через титульные национальности; включение национальных категорий в центр властных

отношений, в систему распределения должностей, ресурсов, в систему поощрения и наказания[18]. «Национализация» официального пространства означала радикальный разрыв с прошлой эпохой, в которой национальность имела крайне аморфную и слабо артикулированную форму, была совершенно невидима и непонятна местному обществу, узнававшему себя с помощью религиозных понятий, локальных или родовых терминов.

Распад СССР в 1991 г. не был, таким образом, моментом, с которого началось формирование перечисленных национализмов в регионе, – это важный пункт, чтобы осознать историческую глубину национализации (или этнизации) и политического проекта, навязанного элитой, ставшей механизмом социализации нескольких поколений людей и материализовавшейся в повседневности. Тем не менее 1991 г. не является проходной датой в этом процессе. В рамках СССР все три национализма находились под постоянным контролем со стороны четвертой силы – Центра, который выполнял несколько важных ролей: с одной стороны, он был арбитром в отношениях между разными национализмами, уравнивал их между собой (предоставляя защиту и ресурсы более слабым акторам), сдерживал наиболее радикальные призывы и действия, с другой стороны, он продвигал собственную идеологию «дружбы народов» и «интернационализма», обеспечивал более или менее одинаковое для всех национальностей советское гражданство и даже пытался формировать отдельную категорию «советского народа», которая напоминала что-то вроде «советского национализма» с русским языком и зачаточными формами русской ассимиляции. Конец СССР привел к тому, что национализмы остались единственной легитимной силой на политическом пространстве Средней Азии, при этом диспропорция между разными видами национализма стала быстро усугубляться.

Каковы же позиции различных национализмов в современном Кыргызстане (применительно к Ошским событиям)?

В полном соответствии со схемой Брубейкера национализирующийся кыргызский (слово «киргизский» приобрело теперь аутентичное написание) национализм является одним из основных, если все же не основным, политических проектов, который определяет государственное законодательство, содержание программ большинства партий, риторику большинства политиков и интеллектуалов и, наконец, манеру выражать свои мысли о политике значительной частью населения страны. Этот проект был недвусмысленно провозглашен еще в конституции 1993 г., где говорилось о «национальном возрождении кыргызов» как первой (и значит, главной) основе государственного суверенитета. В конституции, принятой при Курманбеке Бакиеве в 2007 г., этот тезис был усилен и речь шла уже о поддержке «возрождения и совершенствовании государственности кыргызского народа» и о «единстве кыргызов» как «фундаменте стабильности страны»[19].

Национализирующийся кыргызский проект по сути легализовал, через конституцию и законы, деление граждан Кыргызстана на своих и чужих (не вполне своих) – тех, кто принадлежит к титульной национальности (они даже получили прозвище «титулы»), и всех остальных. Впрочем, это не означало, что сторонники этого проекта готовы идти дальше и закреплять правовое неравенство граждан по национальному признаку. Стратегия была другой: сохранять двусмысленность, постулируя равенство граждан и одновременно

проводя разделение своих и чужих в риторике и в неформальных/полуформальных практиках. Одной из основных неформальных практик стало формирование всех структур государственного управления из представителей кыргызской национальности: в целом по Кыргызстану их доля в разных институтах составляет около 90% (тогда как доля кыргызов в общем количестве населения с 1989 по 2009 г. выросла с 50 до 70%)[20].

Деление на своих и чужих закрепляется в еще одной популярной идиоме – «кыргызская земля», где некыргызы являются, как подразумевается, «гостями» и «приехавшими». Материализация этой идиомы происходила при помощи заполнения публичного пространства – государственных учреждений, центральных площадей и улиц, музеев, библиотек и т.д. – знаками «кыргызскости» не только в виде кыргызоязычных надписей, но и портретов и памятников героев кыргызской истории, стилизованных элементов кыргызской культуры (орнаменты, юрта, колпак и пр.).

Соответственно любое покушение на это символическое пространство воспринималось как покушение на кыргызский народ и кыргызское государство. Спусковым механизмом для этнизации Ошских событий было, например, сожжение 14 мая 2010 г. в селении Тейит дома бывшего президента Бакиева, при этом в оценке этого происшествия подчеркивалось, что узбекские погромщики под руководством своего лидера Кадыржана Батырова сожгли юрту (символ кочевых в прошлом кыргызов) и государственный флаг Кыргызстана – тот факт, что в погроме участвовали кыргызы, противники Бакиева, вытесняется из такого объяснения. Ответным шагом был митинг 19 мая в Джалалабаде, после которого толпой был сожжен кыргызско-узбекский университет (который был создан Батыровым и символизировал публичную «узбекскость»), тогда же произошли первые убийства, воспринимавшиеся всеми сторонами как этнические.

Единственным вопросом, который из символического превратился в фактор политического противостояния, был вопрос о государственном языке. Принятый еще при Акаеве в 2004 г. закон о государственном языке пытался не просто придать кыргызскому языку статус главного в публичном пространстве (это было сделано), но и устанавливал, в частности, некоторые ограничения на занятия высших должностей в зависимости от его знания. Закон закрепил принятый еще в 2000 г. официальный статус русского языка, но ничего не сказал о других языках.

Постсоветские республики рассматривали себя как национальные и в то же время как репрессированные, угнетенные, неполные по национальному признаку, поэтому их политика состояла в «полной», «окончательной» национализации – восстановлении прав языка, культуры, попытках усилить ассимиляцию, заменить советские символы национальными, дописать национальную историю, увеличить свой демографический вес и т.д. Это чувство недостаточной «национализации» усиливается в Кыргызстане целым рядом обстоятельств. Во-первых, в советское время республика получила статус союзной, т.е. «полноценной», государственности лишь в 1936 г., до этого она имела статус автономной республики (а в самом начале размежевания – области) в составе РСФСР. Во-вторых, советская Киргизия – одна из самых экономически слабых и, значит, наименее влиятельных среди союзных республик – была регионом, куда еще со времен Российской империи

шел большой поток миграции из центральных районов России и Украины. Согласно переписи 1979 г., доля кыргызов в населении Кыргызской ССР составляла 47,9% (согласно последней советской переписи 1989 г. – 52,4%). Массовый выезд жителей страны после 1991 г. «выправил» эту ситуацию – доля кыргызов в 2009 г. достигла 71%[21], но чувство, что «кыргызский народ» находится под постоянной угрозой, по-прежнему является обычным тропом национального нарратива.

Националистическая риторика в Кыргызстане усиливалась не только общим постсоветским эффектом и ощущением своей особой слабости перед соседями и внутренним меньшинством, но и специфическими особенностями разделения кыргызской элиты на многочисленные группировки, построенные на региональных и клановых идентичностях. В борьбе за власть эти группировки часто апеллировали к своей «кыргызскости» (нередко «чистой», «настоящей» кыргызкости), они вынуждены были таким образом доказывать, что не выступают от имени узких интересов. Разумеется, что в риторику «кыргызкости» входила тема опасности со стороны разных некыргызских сил, из которых узбеки были самым уязвимым и наиболее опасным образом (через тему соседства Узбекистана, «нецивилизованности», «замкнутости», «исламской угрозы», претензий на историю и территорию и т.д.).

Позицию «национализма исторической родины» в ситуации, в который произошли Ошские события, должен был бы занимать Узбекистан. Однако яркая специфика именно этого случая заключается в том, что отношение руководства Узбекистана к диаспорам и вообще мигрантам (даже гражданам своей страны за рубежом) является крайне осторожным, публично никак не артикулированным и выглядит скорее равнодушным. Узбекистан не видит «узбекское меньшинство» в других странах. Почему? Для Узбекистана не стоит проблема собирания узбеков и достижения демографического перевеса внутри своих границ. Протекция узбекам в соседних государствах, даже если исключить Афганистан, рассматривается, с одной стороны, как слишком непомерная ноша, которая, с другой стороны, может активизировать обратные претензии соседей на протекцию своих меньшинств внутри Узбекистана. К тому же авторитарный президент Ислам Каримов не хочет иметь неконтролируемых лидеров и групп за границей, рассматривая их больше как угрозу своему режиму, чем как лояльное сообщество соотечественников. Впрочем, среди части интеллектуалов и культурных деятелей Узбекистана раздаются требования оказать поддержку узбекам Кыргызстана: песня популярной певицы Юлдуз Усмановой, живущей в Турции, была об отношениях узбеков и кыргызов, а не Узбекистана и Кыргызстана[22].

Хотя узбекский «национализм исторической родины» проявляет себя очень скромно, в самом Кыргызстане очень чувствительно относятся к этой теме и рассматривают отношения к кыргызстанским узбекам сквозь призму будто бы существующей или возможной политики Узбекистана. Любые требования лидеров узбеков об их «узбекских» правах тут же получают квалификацию «сепаратизма», стремящегося выйти из состава Кыргызстана и войти в Узбекистан. Никаких свидетельств такого рода намерений нет или не найдено (как нет никакой их поддержки Узбекистаном), но страх такого развития событий все равно делает эти намерения реальными. Навязчивый

страх перед сепаратизмом питается также примерами позднесоветского парада суверенитетов, который быстро от союзных республик был унаследован автономиями, а также постсоветского сепаратизма на Кавказе и примером Косово, где сильные внешние игроки определяли победу внутренних анклавов.

Третьей стороной в той конфигурации национализмов, которую мы позаимствовали из схемы Брубейкера, является национализм узбекского меньшинства. Последний оказался в двойном исключении: и национализирующийся кыргызский национализм и государственный национализм Узбекистана относятся к нему как к проблемному для своих государственных интересов[23].

Основная особенность национализма узбекского меньшинства состоит в том, что, в отличие от других некыргызских меньшинств, его представители категорически отказываются именовать себя «диаспорой», т.е. «чужими» и «приехавшими» на кыргызскую землю. В значительной мере эта позиция обусловлена, конечно, весьма прохладным отношением к ним со стороны Узбекистана, отсутствием какой-либо политики со стороны последнего по собиранию узбеков (как это активно делает, например, Казахстан в отношении казахов) или просто политики привития чувства почитания исторической родины. Помимо отсутствия диаспоральной политики у Узбекистана другим фактором, который определяет отказ от термина «диаспора» и настроений эмигрировать из Кыргызстана, является длительное компактное проживание узбеков в указанном регионе, наличие соответствующих мест памяти (кладбища, святые места, предания и пр.), необходимых для ощущения повседневной укорененности.

Такая позиция оформляется в целый ряд дискурсивных стратегий, они в какой-то мере полностью повторяют, можно сказать копируют, логику национализирующегося кыргызского национализма, переворачивая ее на 180 градусов. Кыргызстанские узбеки воображают себя в целом, имея множество аргументов к этому, настоящим коренным населением региона, а «кыргызы» в целом воображаются, соответственно, приехавшими из Алтая или с гор, причем набор доказательств в этом случае опирается в том числе и на исторические кыргызские нарративы (в которых идет дискуссия между сторонниками автохтонного происхождения кыргызов и сторонниками концепции их миграции с северо-востока). Идиоме «кыргызской земли» противопоставляется, иначе говоря, идиома «узбекской земли», которая лишь случайно, в результате национального размежевания, проведенного Сталиным, оказалась в составе Кыргызстана.

Кыргызстанские узбеки также воображают себя «большинством»: для этого проделывается несложная процедура «отрезания» всех районов, где узбеки не живут. В результате такой математики доля узбеков, которая по всему Кыргызстану составляет, по переписи 2009 г., 14,3%[24], в Ошской области увеличивается до 30%, а в городе Ош – почти до 50% (а в Узгене еще больше)[25]. Раздаются также обвинения в том, что государственный учет намеренно занижает численность узбеков[26].

Нарратив национализма узбекского меньшинства выстраивается, таким образом, как абсолютное отрицание нарратива национализирующегося кыргызского национализма. Трудность, однако, состоит в том, что его позиция не

может быть заявлена публично, не может найти себе легальное место внутри нынешнего политического пространства Кыргызстана. Любая попытка говорить, что узбеки являются коренным народом, воспринималась и прочитывалась как требование автономии и сепаратизм. Это особенно ярко проявилось во время майских событий в Джалалабаде, которые предшествовали Ошским событиям и в какой-то мере предопределили этнический характер противостояния. Выступление Батырова на митинге своих сторонников, которое затем транслировалось частными телеканалами, получило оценку как «сепаратистское» и «националистическое». Эта оценка фигурирует во многих официальных документах и в общественном мнении Кыргызстана, несмотря на то что изучавшие стенограмму независимые эксперты не смогли выявить в них никакого намека на «сепаратистские» требования[27].

Власть Кыргызстана, находясь в рамках языка национализирующегося национализма, не в состоянии предложить узбекскому населению какую-то альтернативу. Существующий перед глазами пример Узбекистана, который достаточно эффективно ассимилирует различные группы (в том числе кыргызов) в «узбекскую нацию», распространяет узбекский язык и узбекскую идентичность, повторить крайне сложно: Узбекистан обладает для этого более мощными материальными, институциональными и демографическими ресурсами. К тому же, несмотря на близость культуры, языка, религии, общий советский опыт, многочисленные межэтнические браки, «узбекскость» и «кыргызскость» в Кыргызстане понимаются как противоположные качества всеми участниками, что делает ассимиляцию узбеков в кыргызов невозможной. Интеграция узбеков как сограждан является риторически очень популярной формулой, но на практике, при господстве идиомы «страна кыргызов», она остается неясной, так как интеграция понимается как хотя бы частичная ассимиляция.

Остается путь исключения (dissimilation, по словам Брубейкера). Непримиримое нарративное противоречие двух национализмов, одновременно претендующих и на «свою» землю, и на статус «коренного народа», и «на большинство», делает весьма трудным политическое взаимодействие. Оставшись после массовой миграции 1990-х годов самой многочисленной в Кыргызстане некыргызской группой (примерно каждый седьмой кыргызстанец – узбек), узбеки в публичном пространстве остаются почти незамеченными: их представители не входят в высшую политическую элиту[28], не занимают должностей министров, количество занимаемых ими депутатских мест (2 из 90 в 2007 г.) в парламенте никак не отражало численный «вес» национальности[29], кыргызстанская власть категорически отказывается рассматривать вопрос о придании узбекскому языку хотя бы регионального официального статуса (при этом признавая официальным русский язык) и, наконец, в любых документах и речах, посвященных межэтническим отношениям, даже термин «узбеки» никак не акцентируется и редко упоминается. Активисты из числа узбеков были вытеснены из официального поля, что еще сильнее способствовало этнизации их политического словаря[30]. Не случайно, на курултае узбеков Кыргызстана в 2008 г. Батыров и другие лидеры, потерявшие депутатские мандаты в 2007 г., сместили прежнее руководство Узбекского национально-культурного центра и возглавили его, получив доступ к другому легитимному институту (впрочем, не имеющему никаких полномочий) – Ассамблее народа Кыргызстана[31].

«Узбекскость» вытеснялась из публичной сферы, но за ней сохранялась приватная сфера – право создавать негосударственные узбекское телевидение, узбекские университеты и т.д. Не имея возможности наращивать свой капитал в структурах власти, предприимчивые узбеки активно наращивали капитал в мелком и среднем бизнесе, в том числе и теневом, что, в свою очередь, создавало впечатление богатства и успешности и даже служило доказательством не столько дискриминации узбеков, сколько опять же их превосходства над кыргызами. Этнические различия в негосударственной сфере не нивелировались, а поддерживались, в том числе международными неправительственными организациями, которые обильно финансировали общественные программы «межэтнического диалога». Вытеснение из политического поля представителей узбеков имело своим следствием к тому же усиление кулуарных переговоров между ними и властью, создание временных закулисных альянсов, что дезориентировало политических игроков и провоцировало неверные действия.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: «МЫ» И «ОНИ»

Говоря о столкновениях в июне 2010 г. на юге Кыргызстана, часто их называют узбекско-кыргызскими, подразумевая две стороны, двух субъектов этого трагического взаимодействия. Однако при более внимательном анализе логики действий этих «двух» сторон становится очевидным, что состав последних очень неоднороден. Нам показалось полезным провести анализ Ошских событий через призму нескольких исследовательских подходов. Так, например, для того чтобы яснее понять причины возникновения насильственных действий, решено было провести конфликтологический анализ посредством парадигмы выявления «интересов сторон». Чтобы яснее представлять себе мотивы поведения непосредственных участников событий и механизмы групповой мобилизации, был использован анализ взаимного восприятия сообществ и истории формирования различных типов идентичностей. И, наконец, для того чтобы включить в анализ произошедшего действия сил, находящихся за пределами зоны непосредственных столкновений, была применена классификация акторов в политическом поле Кыргызстана первой половины 2010 г.

В рамках условной категории «кыргызская сторона» можно выделить несколько подкатегорий.

Из многих источников известно, что значительную часть участников столкновений в Оше и Джалалабаде составили сельские жители (в основном мужчины 20–40 лет). На некоторых зданиях в Оше остались надписи «Здесь был...» и далее название района или села. Есть достоверные свидетельства участия в событиях в Оше выходцев из различных сел Алайского, Чон-Алайского районов и Баткенской области. Расстояние, которое им пришлось преодолеть за несколько часов 10–12 июня, колеблется от 10 до 250 км. По словам самих жителей сельских районов, главной причиной, толкнувшей их на поездку в город в эти дни, был страх за родственников, учащихся или работающих в Оше. В Джалалабадской области в городских столкновениях в основном принимали участие жители сел Сузакского района, расположенных

в 30–90 минутах пути от города. Сельские жители, оказавшиеся в дни столкновений в Джалалабаде, практически не использовали аргументов «помощи родственникам, оказавшимся в городе»: по их словам, для них главным мотивом стало стремление восстановить попранную «национальную честь», которую они считали оскорбленной после поджога белой юрты К. Бакиева с водруженным на ней национальным флагом Кыргызстана в середине мая 2010 г.

Несмотря на манифестированную кыргызскую этническую идентичность, на ее формирование заметное влияние оказывали события, актуальные для того или иного региона. Для жителей Джалалабадской области не столь значима роль г. Джалалабада как образовательного и индустриального центра – он заметно меньше Оша и носит менее выраженный урбанистический характер. Вместе с тем события в селе Тейит, которые сельские «джалалабадцы» восприняли как унижение «нас» на «нашей» земле, для сельских «ошан» играли гораздо меньшее значение. Есть свидетельства, что среди отправившихся в города сельских жителей были распространены и более приземленные мотивы. Многие пострадавшие в узбекских районах рассказывали, что видели, как сельские погромщики грузили вещи из беззащитных домов на грузовики, на которых приехали, или на захваченные автомобили и увозили их из города. Люди были воодушевлены общим порывом совершить справедливое возмездие «зарвавшимся» узбекам, но при этом все, кто не поддался общему настроению, были подвергнуты остракизму и общественному презрению.

Как кажется, можно говорить об особой роли восприятия сложившихся социально-экономических диспропорций в формировании коллективной идентичности разных групп населения. Созданная за последние несколько десятков лет социальная и экономическая инфраструктура оседлых жителей г. Оша, в подавляющем большинстве узбеков, не просто выглядела вызывающе в глазах селян-кыргызов, лишенных существовавших в советский период механизмов поддержания животноводческого хозяйства и процедур урбанизации через образование и приобщение к городским формам деятельности. Ощущаемая разница социально-экономических параметров накладывалась на видимые культурные различия и формировала постоянно напряженный фон любых повседневных коллизий.

Набор путей социализации в городе кыргызской сельской молодежи был очень ограничен: либо учеба и по завершении ее работа в секторе государственного управления (при наличии «своих» людей), либо низкооплачиваемая работа и жизнь на съемной квартире. И в том и в другом случае эти жизненные перипетии имели этнический оттенок. Прием на государственную службу кыргызов шел в последние 10 лет на фоне сокращения там узбеков, а работа предполагалась либо у узбеков, либо у «своих», но в противовес узбекам. К тому же арендовать жилье приходилось чаще всего у узбеков, которые владели большинством жилых домов (в очередях на получение земельных участков под строительство жилья стояли накануне конфликта 80 тыс. киргизов и 20 тыс. узбеков).

К тому же сами узбеки, чувствуя, видимо, утрату своего присутствия в политической сфере, активно подчеркивали свое превосходство в культуре,

прежде всего в музыкальной, кулинарной сфере, в развитии городской инфраструктуры, выставляя кыргызов отсталыми сельскими маргиналами.

В силу того что кыргызы активно стали вливаться в число городских жителей только с начала 1990-х годов, в пору, когда все другие сферы экономической активности были развалены, значительная их часть занялась криминальной деятельностью. При этом значительная часть молодежи проделывала путь инкорпорации в криминальные сообщества посредством так называемых спортивных клубов. В социальной географии ошских подростков – и кыргызской, и узбекской национальности – такие клубы играли гораздо более значимую роль, чем все другие формы досуга и коллективного поведения. Каждый такой клуб был построен на средства какого-либо «большого» человека (как правило, предпринимателя или чиновника) и воспитывал, в том числе, будущих сторонников своего патрона. Часть прошедших через такие клубы, где занимались прежде всего различными видами боевых искусств, становилась личной гвардией хозяина и близких ему людей. «Авторитетность» человека в Оше и Джалалабаде определялась в первую очередь количеством вооруженных бойцов, которых он сможет «выставить». Многие из собеседников на юге Кыргызстана с уверенностью говорили о том, кому принадлежит тот или иной клуб и сколько у него бойцов, часто среди подобных авторитетов назывались имена депутатов городского и областного уровня и даже видных представителей исполнительной власти.

Молодые представители криминальных сообществ, пришедшие туда недавно, в последние 2–3 года и не обладавшие пока ни достаточными материальными возможностями, ни авторитетом, стремились быстро достичь успеха за максимально короткое время. На протяжении последних шести месяцев перед 10 июня 2010 г. только в г. Оше произошло несколько десятков заметных столкновений, где инициаторами часто были «молодые» кыргызы из числа криминальных авторитетов, а их оппонентами – узбекские мелкие и средние предприниматели, которых криминал пытался обложить дополнительной данью. В случае возникновения подобных ситуаций обычно противостояние переводилось на уровень согласований и переговоров, но в дни июньских событий молодые криминальные лидеры постарались взять реванш за столь малоэффективную «работу», сдерживаемую балансом интересов более старших коллег, которая была характерна для предшествующего периода. По рассказам очевидцев, переживших нападения на узбекские кварталы в микрорайоне «Черемушки» 11 и 12 июня, среди нападавших были очень заметны молодые крайне агрессивные люди, одетые в гражданское, но очень умело обращавшиеся с оружием. Они совершали самые жестокие демонстративные убийства, криками подбадривали своих менее расторопных товарищей по захватам, которые часто выглядели растерянными селянами, неизвестно зачем попавшими в чужой для них город.

Рядовые жители города являются особой группой, и их поведение заметно отличалось от поведения выходцев из сельской местности. За последние десятилетия численность кыргызского населения в городах значительно возросла и появилось уже несколько поколений людей, родившихся и выросших в городе. Соответственно стали складываться предпосылки для формирования

Рис. 2. **Этнизация пространства в Оше**

у части кыргызского населения особой ошской городской идентичности, которая основана на схожести социальных вызовов независимо от этничности. Люди, живущие бок о бок на протяжении десятков лет, неизбежно начинают воспринимать друг друга в качестве «своих»: известно много достоверных случаев, когда горожане – кыргызы и узбеки – совместно защищали свои дворы и улицы от погромщиков. Объединение жителей разных национальностей смогло предотвратить насилие в целых населенных пунктах, таких, как Узген, Араван, Карасу. Интересно отметить, что узбеки, говоря о погромщиках в махаллях, характеризовали их как «ненаших» кыргызов, подчеркивая их отличие от кыргызов-соседей.

Нужно признать, что таких сфер, формирующих идентичность и стратегии поведения «наперерез» этническим границам, оказалось не так много, что, видимо, и обусловило значительный масштаб насилия. Господствующим все же оказался дискурс этнического противостояния, в который разные группы «укладывали» свои более частные мотивы и модели поведения (рис. 2). В частности, некоторые лидеры гражданских организаций, в том числе правозащитных, признавались после конфликта, что в дни открытого противоборства они не смогли переломить настроения окружающих, так как очень очевидны были черты врага, очерчиваемого этническими отличиями, и очень смутны были контуры виновников ощущаемой социальной неудовлетворенности и несправедливости, нарисованные с помощью критики коррупции и отчужденности власти от народа.

Власти Кыргызстана стали активными участниками в создании этнического противостояния, но степень и роль их участия разнится очень заметно в зависимости от уровня их ответственности и компетентности.

После событий апреля 2010 г., когда в Бишкеке был свергнут президент Бакиев, и без того слабое доверие населения к власти и способность властей управлять событиями в регионах стали и вовсе призрачными. Особенно это стало очевидным после того, как на протяжении мая в Джалалабадской и Ошской областях весьма неоднозначно были приняты ставленники Временного правительства. В Ошской области вновь назначенный губернатор должен был мириться с существованием сильного городского мэра М. Мырзакматова, который пришел к власти в период Бакиева и не собирался сдавать свои позиции. В некоторых сферах (например, в полиции) сложилось фактическое двоевластие, когда часть формирований подчинялось городской власти, а часть – областной.

В Джалалабадской области ситуация была еще более двусмысленной: на протяжении мая областную администрацию не раз занимали представители то старой, то новой власти, старая власть опиралась на родственников и земляков Бакиева, а новая все время искала новых союзников. Представители Временного правительства приняли решение обратиться за поддержкой к Батырову, лидеру областного узбекского центра. Понимая всю ответственность любого своего решения и непредсказуемость последствий, он долго колебался, но все же вступил в переговоры с новой властью. Несмотря на то что сторонники узбекского центра из Базар-Кургана и Джалалабада, поддерживавшие временное правительство, шли в одной колонне с его сторонниками из числа кыргызов, последующее потом противостояние с лояльными Бакиеву чиновниками из областной администрации было воспринято как противостояние кыргызов и узбеков, как вмешательство узбеков во внутреннее противостояние региональных кыргызских элит.

Нужно отметить, что выбор стратегий у новых властей был невелик. Легитимные в глазах большинства населения механизмы передачи властных полномочий отсутствовали, и политическая мобилизация проводилась исключительно с привлечением аргументов и эмоций локальной солидарности, клановой, земляческой или этнической. Поэтому массы жителей юга Кыргызстана с готовностью приняли этническую картину политического противостояния: другие аргументы в их глазах выглядели просто неубедительно. К тому же, в дальнейшем, в ходе событий 11–14 июня некоторые представители центрального правительства выступали активными участниками мобилизации против узбеков, что лишний раз убедило людей в незыблимости этнической солидарности.

Свою игру вели местные власти. На протяжении последних пяти лет представленность узбеков в местных органах власти, включая органы правопорядка, существенно сократилась, и это придавало этнический характер любым аспектам взаимодействия ошского городского населения и городских властей. Несмотря на то что, по официальным данным переписи 2009 г., в городе проживали 44% узбеков и 47% кыргызов, в нем сохранялись обширные районы со стопроцентным узбекским населением. Еще в 1980-е годы в ведение городской администрации передали несколько пригородных территорий с преимущественно кыргызским населением, а многие «узбекские» районы

(Он-Адыр, Нариман, Фуркат и т.д.) выделили в состав Карасуйского района. Это объяснялось необходимостью создания более «сбалансированых» в этническом отношении административных территорий.

Недавно назначенный мэр Оша, выходец из бизнесменов, бывший борец («борчик» называют таких на юге), в распоряжении которого находятся, по слухам, до 2000 бойцов из спорт-клубов, энергично принялся развивать эту стратегию, предполагая, что в ближайшие годы необходимо обеспечить этнически смешанное проживание в центральных районах города. Добиваться этого мэр предполагал за счет возведения на месте старых узбекских махаллей новых микрорайонов многоэтажной застройки, куда предполагалось селить вперемешку и узбеков и кыргызов. Был составлен специальный план развития г. Ош, в котором находила свое выражение упомянутая стратегия этнической миксации. Этот план приобрел в глазах местных узбеков мистический ореол «карты зла», а сам образ мэра был в значительной мере демонизирован.

В декабре 2009 г. были проведены первые попытки реализации этого плана в районе исторического центра города около старого базара, которые вылились в разрушение нескольких десятков домов узбеков и отчаянное противостояние их владельцев и сотрудников администрации и правоохранительных органов, которые были в большинстве кыргызами. Городские власти обвиняли владельцев домов в саботировании прогрессивного плана развития, в сохранении антисанитарии и пожароопасности и т.д. Тем не менее ожесточенность сопротивления вынудила власти приостановить реализацию плана, сам мэр несколько раз встречался с активистами узбекских сообществ в разных районах города, одним из советников мэра был назначен прежний активист узбекского центра Д. Сабиров. Кроме того, город покрылся лозунгами о межнациональном единстве, был проведен молодежный марш мира, в котором, впрочем, приняла участие преимущественно кыргызская молодежь. Но эти меры, судя по всему, оказались недостаточными, так как уровень доверия узбеков к местной власти не изменился. Во всяком случае в ходе Ошских событий и после них узбеки воспринимали многие действия погромщиков как продолжение реализации плана мэра другими способами.

Отдельно кратко следует упомянуть действия правоохранительных органов. Их не раз справедливо упрекали в некомпетентности и тенденциозности. В частности, нельзя не заметить легкости, с которой кыргызские участники событий «захватывали» различные виды вооружений, включая бронетранспортеры. Были отмечены факты братания погромщиков и посланных для наведения порядка военнослужащих, а один раз «захваченный» бронетранспортер шел в атаку на узбекский пригород Он-Адыр под государственным флагом, что сильно возмутило узбекских жителей микрорайона. Очевидно, некоторые военнослужащие вполне разделяли убеждение, что они живут в государстве «кыргызов и для кыргызов» и не воспринимали узбеков как своих соотечественников. Думать так им было тем легче, чем активнее разворачивалась кампания по сокращению узбеков в вооруженных силах и органах правопорядка, а именно так обстояло дело в последние годы. Причем, возможно, дело не в специальной направленности подобной практики против узбеков. Может быть, таким образом освобождались места для «своих», что было особенно распространено в последние годы правления Бакиева,

который покупал лояльность «нужных» людей. Но подобные изменения национального состава могли восприниматься и как свидетельства реализации определенной кадровой политики.

«Узбекскую сторону» также можно разделить на несколько групп. Согласно многим данным, основной активной силой узбеков во всех инцидентах накануне, в ходе, да и после событий 10–14 июня была молодежь в возрасте 20–35 лет. Именно эта категория людей составляет основу мелкого и среднего предпринимательства в г. Ош. Молодые люди, владельцы и работники небольших кафе, магазинчиков, таксисты, мелкие оптовики, автоперегонщики и т.д. в наибольшей степени ощутили негативное влияние новых «послеапрельских» тенденций. И без того зыбкое правосудие, в условиях ослабления всех ветвей власти в переходный период, стало совсем призрачным, что привело к резкой активизации криминальных элементов и росту их амбиций в условиях отсутствия эффективного противодействия этому. Уже упоминалось, что на протяжении последних месяцев именно эта категория предпринимателей оказывалась в ситуации открытого противостояния с криминалом (преимущественно кыргызским по происхождению), который в нарушение всех предыдущих договоренностей вдруг резко увеличивал ставку нелегальных выплат или другие формы давления.

Терпение мелких предпринимателей иссякало, когда выяснялось, что новые условия грозят им разорением и ставят под сомнение само их существование. Только вмешательство старших авторитетов с обеих сторон поддерживало хрупкое равновесие. Тем не менее на протяжении нескольких недель до 10 июня 2010 г. практически каждую ночь в разных районах возникали баррикады, преграждавшие путь внутрь махалли сборщикам дани от криминала, и собирались толпы молодых узбеков до нескольких сотен человек для защиты имущества своих товарищей. Все понимали, что надежды на власть никакой нет, и поэтому получали распространение различные формы самоорганизации и экстренной мобилизации. Если учесть, что большинство среди активного криминала и полиции составляли кыргызы (узбеки составляли пятую часть всех полицейских города накануне 10 июня), то эта мобилизация была во многом этнической, так как источником невыносимого существования вполне явственно рисовались «кыргызы», хотя они и представали в виде конкретных людей (бандитов и полицейских).

В этой среде обозленной, не видящей путей к мирному выходу из ситуации молодежи господствовали самые радикальные настроения, охотно укладывавшиеся во всевозможные политические программы, которые домысливались самими людьми наиболее удобным им образом. Эти люди были готовы поддержать любые программы, лишь бы они вели к изменению ситуации. Поэтому не удивительно, что эта молодежь охотно скандировала лозунги «Ош – наш», независимо от того, кто выступил инициатором данного лозунга.

Этнокультурные узбекские центры играли заметную роль в общественной жизни узбеков на протяжении последних 20 лет. Именно там консолидировались и формулировались основные социальные проблемы узбекского населения и разрабатывались механизмы доведения их до властей. В последние годы произошла постепенная смена поколений узбекских активистов: на смену лидерам советской эпохи, которые, как правило, были выходцами из партийной номенклатуры или научно-педагогической среды, пришло но-

вое поколение, состоящее в значительной степени из успешных бизнесменов. В период начиная с 2005 г. основной фокус их внимания традиционно был сосредоточен на сфере образования на узбекском языке и использования узбекского языка в общественной жизни. Но с 2007 г. наметилась явная политизация их деятельности, поскольку в условиях усиливающегося коррупционного и административного давления в полный рост встали задачи самосохранения и удержания источников благосостояния.

Прекрасно осведомленные о негативных тенденциях во взаимоотношениях узбекского бизнеса и полиции, в кадровой политике, активисты узбекских центров с воодушевлением восприняли смещение Бакиева, поскольку именно с его именем связывали ухудшение ситуации. Они принимали активное участие в работе Конституционного совещания, не раз встречались с главой Временного правительства Розой Отунбаевой, сформировали интернациональную по составу политсовета, но всеми воспринимаемую в качестве узбекской партию «Родина». Однако постепенно у них возникло и укреплялось понимание того, что Временное правительство не имеет сильной политической воли и реальных рычагов влияния на ситуацию на юге в части реагирования на запросы узбекского сообщества. Это ощущение укрепилось после того, как активисты узбекских центров убедились в том, что их предложения не войдут в одобренный проект текста новой Конституции. Возможно, после этого произошла некоторая радикализация сознания части лидеров, но никто из них по-прежнему не призывал к автономии и вооруженной борьбе.

Среди активистов узбекских культурных центров были носители разного видения развития ситуации и сторонники разных методов действий. Однако несмотря на то что все активисты узбекских центров исчезли из публичной политики за несколько дней до 10 июня и никак не проявляли себя на протяжении этих трагических дней, в сознании значительной части кыргызского населения все они демонизированы в качестве главных врагов суверенного Кыргызстана, сепаратистов, ответственных за развязывание конфликтов. Другого восприятия трудно было бы ожидать в ситуации, когда концепт «национального» государства рождает восприятие всего многообразия взаимоотношений индивидов и коллективностей только в парадигме представителей «своих» этнических общностей. К тому же на юге Кыргызстана эти особенности восприятия осложнены отсутствием эффективных и легитимных в сознании большинства механизмов формулирования и отстаивания запросов и чаяний меньшинств. В результате так и не сложилось более-менее согласованной «общей» картины мира для обоих сообществ.

БОЛЬ: ГОНИТЕЛИ И ЖЕРТВЫ

Анализ взаимоотношений между различными национализмами помогает вскрыть те дискурсивные механизмы, с помощью которых происходит этнизация политического пространства и разделение последнего по принципу национальной категоризации. Этот анализ указывает на конкуренцию различных нарративов, на превращение нарративов в политические проекты и решения. Однако внимание только к тому, как воображаются нации, оставляет без ответа вопрос, каким образом создается сильная эмоциональная

привязанность людей к этим воображенным сообществам. В этом состоит один из критических аргументов против конструктивистской концепции: как «выйти из тупика традиционного структурно-символического анализа национальной идентичности, не способного объяснить, почему, несмотря на всю историчность и сконструированность нации, привязанность к этой форме идентичности оказывается столь сильной»? Сформулировавший этот вопрос антрополог Сергей Ушакин предлагает обратиться к психоаналитическим концепциям и, в частности, к понятию травмы, или посттравматического синдрома (расстройства), который возникает в результате воздействия тех или иных событий, связанных с ощущениями боли[32].

Если индивидуальная травма является результатом перенесенного физического насилия, то коллективная травма возникает в ходе повествования, акцентирующего внимание на утрате и страдании (рис. 3). В дискуссиях об Ошских событиях 2010 г. можно наблюдать целый ряд тем, аргументов и образов, которые направлены на то, чтобы изобразить ту или иную сторону основной жертвой, либо, наоборот, основным виновником произошедшего.

Одним из способов активизации коллективной травмы стали ссылки на число пострадавших. Как любая статистика, этот вопрос стал предметом многочисленных манипуляций, подтасовок и слухов. Официальные источники после года расследований назвали цифру около четырех с половиной сотен погибших, однако в июне 2010 г. официальные лица озвучили, пусть и предположительно, более высокие данные. Роза Отунбаева говорила о двух тысячах. Такая разноголосица и недоверие к официальным органам породили разные предположения о тайных захоронениях или пропавших без вести. Разные стороны указывают также на необходимость учета всех категорий потерпевших, раненых, изнасилованных и т.д. Вопрос о числе пострадавших был важен не сам по себе, а в контексте своеобразного этнического «соревнования»: сколько погибло кыргызов и сколько узбеков. Большее число означало, что именно эта сторона является главной жертвой, а противоположная – виновницей. Попытки властей Кыргызстана не называть национальность и прекратить такое «соревнование» были безуспешными, поскольку одновременно они обвинили именно «узбекских сепаратистов» в начале конфликта. Избранная этническая аргументация диктовала этнизацию любых сопутствующих фактов, а нежелание говорить о национальности в такой ситуации воспринималось как стремление скрыть настоящих виновников.

Другой темой, с помощью которой создаются образы жертвы и гонителя, стал вопрос о том, кто первым начал конфликт. Как и в случае с цифрами пострадавших, факты, подтверждающие ту или иную позицию, подвергаются самым разнообразным манипуляциям. Узбекам ставят в вину схроны оружия, обшитые металлическими щитами «камазы», надписи «sos», будто бы предназначенные для авиации Узбекистана, а также массовое выступление в ночь с 10 на 11 июня у гостиницы «Алай» в центре Оша. Кто первый начал, тот и виноват во всех утратах – такова логика дегуманизации противника и представление себя жертвой.

Еще одним способом внушения идентичности жертвы стало активное использование рассказов и видеообразов, которые должны продемонстрировать жестокость одной из сторон. Производство и распространение снятых на камеру сцен насилия, признаний пойманных преступников, фотографий

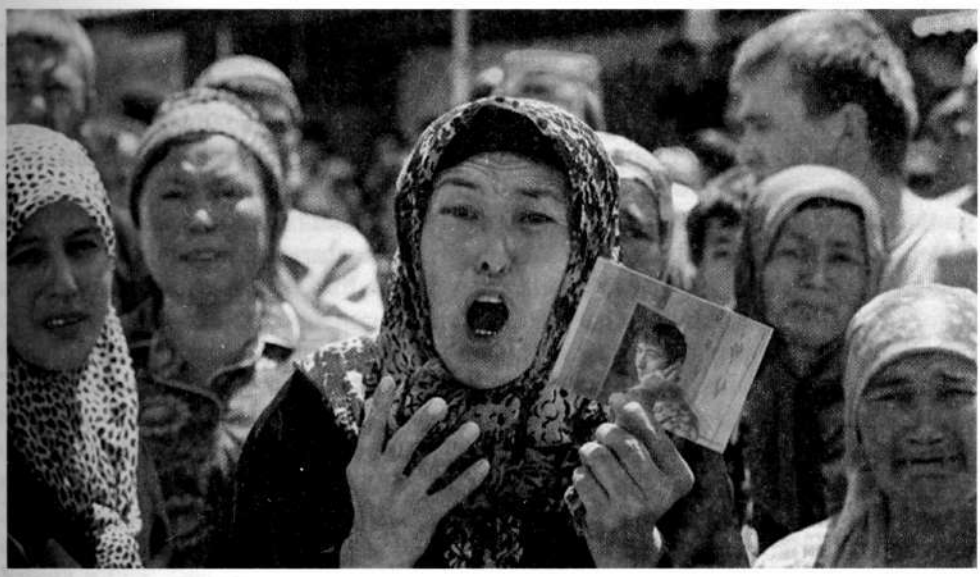

Рис. 3. **Боль**

убитых и пр. приобрели масштабный характер. Появились целые сайты, которые аккумулировали такого рода информацию[33].

Наблюдая за тем, каким образом говорилось об Ошских событиях 2010 г., нетрудно заметить настойчиво повторяющуюся разными действующими лицами и силами отсылку к Ошским событиям 1990 г. Эти два события упоминаются почти повсеместно в разных нарративах через запятую, как одно повторяющееся событие. Магия цифр – столкновения повторились почти день в день, в июне, спустя ровно 20 лет – добавляет к восприятию этих двух событий характер почти автоматизма и неизбежности. Однако мы бы, тем не менее, поостереглись напрямую связывать их, имея в виду, что и то и другое были результатом стечения множества обстоятельств и произошли в совершенно разных политических условиях. Напомним также, что в 1990 г. основные стычки имели место в Узгене и соседних селах, тогда как в 2010 г. именно в Узгене погромов удалось избежать (что, кстати, сами узгенцы объясняют памятью о прошлой трагедии и нежеланием ее повторять).

Вместе с тем мы не можем игнорировать это совпадение и рассматривать события 1990 и 2010 гг. совершенно отдельно друг от друга. Необходимо лишь сместить фокус анализа их взаимосвязи, вставив между ними вопрос о травме и идентичности. Память о том, что произошло в 1990 г., то, как люди говорили или молчали об этом, – все это не могло не оказывать влияние на идентичность и на те сценарии поведения, которые разворачивались уже в 2010 г.

Особенность памяти о событиях 1990 г. на протяжении двух десятилетий заключалась в почти полном вытеснении их из публичного нарратива. Не были созданы ни соответствующие места памяти (памятники или музеи), ни официальные ритуалы воспоминания около них. Столкновения в Оше и Узгене не стали центральным элементом в идеологии ни акаевского, ни ба-

киевского периода. Господствовало общее убеждение, что публичная память способна только сохранить и даже усилить травму, полученную конкретными людьми и обществом в целом. Страх перед повторением конфликта диктовал выбор стратегии умолчания, которая к тому же соответствовала советскому опыту скрытия любых неприятных и сомнительных фактов: считалось, что таким образом должно происходить забывание боли и возвращение к нормальной жизни. Однако, как утверждает психоанализ, амнезия является не столько симптом выздоровления, сколько явным признаком болезни, вызывающей разного рода образы и действия, вроде бы с травматирующим событием не связанные. Ушакин, переводя психоаналитический аппарат в социологический, говорит о том, что травма «задает траекторию повествования, не становясь при этом предметом этого повествования»[34], травма, будучи скрытой и скрываемой, становится «структурирующим принципом» разного рода дискурсов, практик и ритуалов, вызывает стремление «вписать следы травмы в структуру повседневности», в том числе в социальные связи «сообщества утраты», «являющиеся и основным автором, и основным адресатом повествований о травмах»[35]. Травматическое переживание соединяется с национальными идентичностями, они взаимно закрепляют друг друга.

В публичных нарративах мы находим целый ряд таких «следов травмы», имеющих подразумеваемую и легко угадываемую всеми акторами отсылку к 1990 г. В этих нарративах кыргызское общество предстает в виде жертвы различных внешних сил, которые пытаются подчинить себе Кыргызстан, навязать ему «чуждые» правила или даже полностью его разрушить.

В политических дискуссиях, в частности, постоянно поднимается тема сложных отношений Кыргызстана и Узбекистана. Проблемы цены за поставку энергоресурсов, управления водными ресурсами и их распределения, делимитации и контроля границ и другие спорные темы межгосударственных отношений интерпретируются в Кыргызстане как противостояние «демократического», но слабого (кыргызского) и «авторитарного» сильного (узбекского) государств[36]. В этом контексте любая активность кыргызстанских узбеков рассматривается исключительно как проекция этих отношений, как козни Узбекистана против Кыргызстана, попытки дестабилизировать ситуацию в последнем. В этой перспективе Ошские события превращаются в аналог войны за независимость против агрессивного соседа. Этничность нагружается дополнительными смыслами и в таком новом качестве сама, в свою очередь, оказывается аргументом для объяснения происходящего. При этом «свои» потери, помещенные в явную этническую форму, героизируются и одновременно становятся жертвами, «чужие» же потери, напротив, дегуманизируются и теряют ценность. Травма 1990 г. помещается в геополитический контекст, через который пытаются контролировать ее эффекты (и манипулировать ими).

Политические дискуссии переходят в академические и благодаря последним получают новое измерение и дополнительную остроту. В академическом дискурсе легализуется, например, травматическое восприятие национального размежевания 1920-х годов, когда будто бы «этнические территории кыргызов» отошли Узбекистану (и какое-то количество кыргызов оказалось в составе другой республики, где они подверглись ассимиляции)[37].

В научных монографиях и выступлениях, в учебниках истории и лекциях нынешние отношения Узбекистана и Кыргызстана приобретают характер более древнего противостояния кыргызов и узбеков в Кокандском ханстве. История XVI–XVIII вв. изображается как период отстаивания «свободы и независимости кыргызских племен... от кокандских завоевателей», попадания «кыргызских земель Ферганы» «в зависимость от Коканда», «экспансии Коканда в отношении кыргызов», «грабительских походов против кыргызов», «героической борьбы кыргызов против поработителей, против кокандского ига», «завоевания Кыргызстана кокандскими ханами», «черной полосы жестокого угнетения и произвола, беспросветной нужды и бесправия», «освободительной борьбы кыргызского народа... против социального угнетения»[38]. Этот нарратив не говорит об этническом противостоянии, но последнее легко прочитывается, поскольку в официальной версии узбекской истории Кокандское ханство рассматривается исключительно как «узбекская государственность». Примечательно, что согласно кыргызстанским учебникам в XVIII–XIX вв. уже существует «Кыргызстан» в его нынешних границах, кокандцы (т.е. узбеки) нападают на «узгендских кыргызов» и завладевают городами Узгенд и Ош. Две ключевые фигуры в пантеоне кыргызских исторических деятелей – Алымбек-датка и его супруга Курманджан-датка изображаются собирателями кыргызских земель и борцами за их независимость (несмотря на то, что они находись на службе у кокандцев).

Эта отсылка к досоветской истории выглядит очень далекой от конфликта 1990 и 2010 гг., но она неожиданно была актуализирована в языке участников столкновений, которые настойчиво использовали название «сарты» для обозначения своих противников. Замена национального имени «узбеки» на вышедший из официального употребления термин «сарты», которым в XIX в. назывались все вообще оседлые жители Ферганы, было и оскорблением, и одновременно механизмом выстраивания символической иерархии групп (оседлые–кочевники), и способом усилить границу между ними через социальные коннотации этнических различий.

В публичном пространстве память о событиях 1990 г. могла найти себе место и объяснение только в официальных национальных – политических и академических – нарративах, в которых главным героем и главной жертвой был «кыргызский народ» или «кыргызская государственность». Те, кто идентифицирует себя узбеками, были исключены из этих официальных нарративов и формировали свою особую «узбекскую» травму в неофициальной сфере, используя, как можно предположить, механизмы семейной и локальной памяти, а также, возможно, взятые из мусульманской риторики понятия и аргументы. К сожалению, мы не можем точно сказать, какие повествовательные или ритуальные формы принимала эта травма, поскольку она не стала предметом специального внимания и изучения исследователей. Публичное, демонстративное молчание, т.е. отсутствие в официальном нарративе места, в котором узбеки могли бы говорить о своей травме, не означало, что люди не создавали свои приватные места и ритуалы для воспоминаний. Более того, эта память и травма о 1990 г. неизбежно становились этническими, узбекскими именно потому, что публичное пространство допускало только кыргызские нарративы. Границы между кыргызскостью/узбекскостью и публичностью/приватностью совпадали и взаимно усиливали друг друга[39].

ГЕНДЕР: ОВЛАДЕНИЕ ТЕЛОМ

Гендерное измерение группового насилия, как это уже не раз отмечалось в литературе, может иметь два основных аспекта: сексуальное насилие против женщин «той» стороны и активная специфическая роль женщин в мобилизации «своих» против «чужих». При внимательном рассмотрении можно увидеть, что это две стороны воплощения одного и того же социально-культурного феномена: нахождения женщины в центре символического тела нации (рис. 4).

В первом случае насильственное осквернение тела «чужой» женщины должно ослабить символическую силу «чужой» нации, морально подавить ее членов, лишить их веры в воспроизводство коллективного «тела нации». Этой же цели служат немногочисленные, но встречающиеся случаи изнасилования мужчин. В этом смысле мужское тело подается как лишенное мужской силы, и тогда оно играет ту же символическую роль, как и женское тело.

Во втором случае призывы женщин имеют бóльшую силу, так как они исходят как бы из символического центра нации и взывают к необходимости уберечь его от осквернения со стороны противника. В данной ситуации мобилизирующее воздействие подобных призывов многократно усиливается, так как женщины, осознанно или нет, воздействуют на глубоко укорененные в индивидуальной психике механизмы активизации «сопринадлежности» группе, которые подавляют любые рациональные сомнения.

Вряд ли рядовые участники насильственных действий задумывались над подобными концептуальными обоснованиями своих поступков, но все проявления сексуального насилия укладываются в приведенную схему.

Причем случаи, иллюстрирующие вышеуказанные положения, отмечались в столкновениях на юге Кыргызстана и в 1990 и в 2010 гг. В.А. Тишков, описывая разные стороны конфликта 1990 г., отмечает, что групповые изнасилования практиковались, «чтобы унизить противника, продемонстрировать свое превосходство и получить удовлетворение, как физическое, так и моральное». Далее он заключает: «Изнасилование женщин, в том числе групповое, представляет собой социально-культурный феномен более широкого порядка и имеет место далеко за рамками этнического насилия, но оно становится почти обязательным и устойчивым компонентом этнического насилия, в каком бы регионе или культуре оно ни происходило. Здесь, видимо, действуют два фактора. Первый – это снятие табу на выработанную общественную норму, которое происходит в ситуации массового насилия и беспорядков. Второй – это, как мы уже отмечали, демонстративная форма осуществления возмездия и унижения. Но было бы ошибкой забывать, что изнасилование женщин мужчиной (мужчинами) первоначально заключает в себе физиологический момент, стремление удовлетворить половое влечение. Для молодых мужчин и юношей это связано в сильнейшей степени с любопытством и желанием острых ощущений. Тем более, что в местной культурной традиции взаимоотношения полов носят во многом традиционалистский характер. Так, закрытость женского тела, особенно среди узбечек, вызывает в ситуации этнического насилия желание и создает возможность разрушить эту норму. Первыми насильственными действиями почти во всех случаях

Рис. 4. **Беженцы**

было раздевание и демонстрация обнаженных узбечек. Иногда намеренная демонстрация обнаженных женщин происходила уже после совершения половых актов. Это уже был акт унижения и удовлетворения любопытства, не связанный с возбуждением. Так, по материалам следствия 1990 г., один из обвиняемых, изнасиловав свою жертву, "сорвал с нее оставшуюся одежду и предложил всем присутствующим посмотреть на голую узбечку, стал показывать ее половые органы"»[40].

Возвращаясь к мотивации и побуждениям насилия в отношении женщин, Тишков также призывает отметить, что «совершение непосредственных половых актов было связано сильнее всего с желанием и физиологическими возможностями мужчин (помимо стремления продемонстрировать власть и унизить). Половой акт был важен для мужчин, которые насиловали женщин, с точки зрения их личного "успеха" или "поражения"».

Относительно мобилизующей роли женщин в конфликте 1990 г. тот же автор пишет: «По нашим данным, женщины не участвовали в прямой форме в осуществлении актов насилия, но были достаточно активными участниками на уровне мобилизации мужчин на эти действия. В текстах приговоров имеются неоднократные упоминания подстрекательских, наводящих и способствующих высказываний и действий местных женщин-киргизок: «Подсудимый Кыязов показал, что когда они с Калматовым встретили беженцев, то женщины киргизки, упрекая их, говорили, "почему вы здесь, в г. Оше узбеки убивают киргизов, сбрасывают их с балконов, сажают на кол". Подсудимые отыскали оружие...»[41].

Случаями, иллюстрирующими вышеуказанные положения, изобилуют и интервью очевидцев Ошских событий 2010 г., которые удалось взять одному из авторов статьи осенью–зимой 2010–2011 гг.[42] Нужно сказать, что с большей или меньшей долей уверенности мы можем говорить о зафиксированных документально или в интервью и рассказах очевидцев примерно 30 случаях сексуального насилия в разной форме против узбекских женщин и, как минимум, пяти случаях сексуального насилия в отношении кыргызских женщин. Среди интервью иногда упоминаются и факты сексуального насилия над мужчинами или мужскими телами. Интерпретация этих случаев с разных сторон очень противоречива, мы можем только констатировать, что, как минимум, один такой факт имел место, не уточняя принадлежности насильников и жертв.

Реальных фактов сексуального насилия с обеих сторон могло быть и больше, но учитывая специфическое отношение обоих сообществ к роли женщины в различных контекстах, предполагающих сексуальные взаимоотношения, можно предположить, что часть таких случаев скрывается жертвами и их родственниками. Однако распространены слухи о том, что некоторые изнасилованные женщины покинули страну или были срочно выданы в качестве вторых жен замуж за пожилых и состоятельных людей. И в том и в другом случае они сделают все, чтобы быть исключенными в собственном сознании и во мнении окружающих из списка «жертв сексуального насилия», и количество достоверных сведений вряд ли возрастет.

Жертвы со стороны узбекских женщин появлялись чаще всего в ходе быстрого проникновения кыргызских участников событий в центр узбекских махаллей, откуда женщины не успели убежать. Жертвы среди кыргызских женщин – преимущественно те, кто проживал в своем или арендуемом помещении среди узбекских районов и также не смог самостоятельно вовремя выбраться. Можно говорить о том, что специальных «походов за женщинами» не было и побуждение к насилию возникало уже после того, как женщины оказывались в числе пленников или заложников. Тем более интересным становится анализ той готовности к насилию именно сексуального характера у обеих сторон, если перед ними оказывались беззащитные женщины.

Прежде всего нужно отметить устойчивую тенденцию к растабуированию обнаженного женского тела, которая проявлялась у кыргызских участников событий, когда они оказывались на территории узбекских махаллей. Публичной демонстрации обнаженных кыргызских женщин отмечено не было. Возможно, дело в том, что базовая гендерная оппозиция публичный, открытый (мужской) – приватный, интимный, закрытый (женский) по-разному воспроизводится в символических саморепрезентациях кыргызов и узбеков в рамках традиционного противопоставления «кочевого» и «оседлого».

Так, многие представители кыргызской национальности часто с гордостью говорят о том, что их женщины издавна играли более активную роль в обществе и были более открыты и социально, и физически (слабое распространение хиджаба). Это проявляется и в культе женщины-воительницы Курманжан-датка, и в возможности стать женщине президентом страны в случае Розы Отунбаевой. Подобные аргументы часто приводятся в реальных и виртуальных дискуссиях с целью подчеркнуть открытость «наших»

женщин и закрытость, патриархальность, косность – «их». Упомянутая дихотомия воспроизводится и в повседневных публичных практиках. Многие собеседники отмечали, что подавляющее большинство официанток в кафе, в том числе и в принадлежащих узбекам – кыргызки, так как среди узбеков до сих пор распространено неодобрительное отношение к публичному появлению девушек и женщин перед лицом мужчин. Существует даже мнение (трудно определить уровень его достоверности), что узбечке, если она уходит из семьи, потеряла кормильца и т.д., проще стать проституткой, коль скоро при оказывании сексуальных услуг сохраняется интимный характер деятельности, чем официанткой, так как работа там принципиально публична и открыта.

Возможно, стремлением лишить узбекских женщин ареола традиционной «закрытости» и тем самым лишить их некоторых черт «узбекскости» вообще и объясняются действия кыргызских участников событий. В частности, имеются неоднократные упоминания о том, что в разных районах города погромщики со стороны кыргызов демонстративно выводили полностью раздетых узбекских женщин разных возрастов на улицы и водили их за собой. Иногда эти женщины выставлялись в первых рядах нападавших, очевидно, для того, чтобы унизить сопротивляющихся узбеков в махаллях и сломить их решимость. Среди этих женщин были и очень пожилые, и не всегда эти демонстрации сопровождались изнасилованиями.

Есть также свидетельства о том, что голых узбекских женщин сгоняли в круг и заставляли танцевать перед группой кыргызов или кричать: «Я люблю Кыргызстан». Так было, в частности, около печально известного кафе «Ностальжи», где собирали захваченных «противников» и издевались над ними. Возможно, наблюдая вдвойне униженных (публичное обнажение и демонстративная покорность) узбекских женщин, часть кыргызской молодежи, участвовавшей в столкновениях, а это в большинстве сельские жители, приехавшие в «чужой» город, чтобы сделать его «своим», реализовывала понимание своей роли в новом Кыргызстане.

Отдельного упоминания заслуживают, на наш взгляд, случаи более «радикального» использования женского тела – не только через его обнажение, но и через его уродование. Этот феномен также уже находил свое отражение в литературе. В частности, А. Фелдман говорит о том, что «этничность тела строится через его расчленение и уродование…Насилие конструирует тело как метоним сектантского социального пространства… Через насилие тела конкретных людей превращаются в образцы этнических категорий»[43].

Применительно к Ошским событиям 2010 г. мы можем говорить о документированных двух случаях подобного использования тел: на спине одной из выживших после изнасилования в кафе «Ностальжи» узбекских девушек были обнаружены хаотически пересекающиеся глубокие линии, сделанные каким-то острым предметом. Более «продуманные» надписи были на теле погибшего кыргыза, жителя ул. Памирская: линии сплетались в какие-то фигуры и даже графические знаки, возможно, складывавшиеся (по мнению некоторых информантов) в оскорбительные для кыргызов надписи. Более многочисленны рассказы о виденных обезображенных телах, но эти рассказы не подтверждаются документальными свидетельствами и мнением других

очевидцев. Тут перед нами, вероятно, еще один феномен, свойственный постконфликтному типу мышления, – продолжение противостояния уже внутри сознания индивида, в памяти которого реальные видимые им события соседствуют с теми, которые он не наблюдал, но которые очень логично «подошли бы» к выстраиванию образа «их» как изуверов и насильников.

В частности, в одном из районов Ошской области приходилось слышать рассказы «очевидцев» о том, как на выезде из города в дни событий они видели обезображенные тела кыргызских девушек, которых везли в морг больницы в колхозе имени Курманжан-датка: у них были отрезаны груди. То есть осквернению подвергались те части тела, которые ответственны за воспроизводство. Можно сказать, что делавшие это стремились уменьшить возможности воспроизводства «кыргызской нации», символически представленной в виде тел кыргызских женщин. К этому же можно добавить описываемый «очевидцем» из Кара-Кульджи случай: тело кыргызской девушки разорвали пополам, привязав за ноги к двум машинам «Тико», которые потом разъехались.

Рассказывали об этом вполне взрослые мужчины лет 40, у одного из них текли по щекам слезы от возмущения и обиды. Тем не менее никаких подтверждений этим сведениям в последующем обнаружено не было. Примечательно, что в качестве орудия насилия выступает автомобиль «Тико», который вошел в состав символического образа «ошской узбекскости», поскольку до событий 2010 г. подавляющее большинство таксистов города, использующих эти машины, были узбеки. Приходилось слышать и об убийствах младенцев в утробах матерей, но документального подтверждения этой информации видеть не приходилось. Впрочем, в данном случае не столь важно, происходили эти зверства в реальности или в фантазиях рассказчиков, важно то, что как насильники, так и «свидетели» нуждались в подобных «изменениях» тел, для того чтобы создать более контрастный и убедительный образ врага, «чужого».

Среди жителей Ошского района кыргызской национальности ходили слухи об издевательстве узбеков над сотрудницей пресс-службы одного из милицейских подразделений в первые часы столкновений. Уже утром 11 июня ее после издевательств убили, затем отделили от тела конечности. Среди узбекского населения в постконфликтный период широко муссировались слухи о том, что якобы некоторые из изнасилованных на протяжении конца июня–июля узбекских женщин были найдены с выбритыми головами и удаленными бровями. Скорее всего, подобное «изменение» внешности укладывается в логику «выведения» жертвы за пределы нормальных женщин, которые согласно региональным канонам обладают длинными волосами и густыми бровями.

Анализируя подобные случаи по воспоминаниям беженцев хуту в лагерях Замбии, Л. Малки также отмечает символический характер подобных манипуляций: «когда умертвляли детей и матерей, это означало прекращение новой жизни и то, что у этой группы нет будущего. Когда одной палкой бамбука протыкали половые органы девушек, так, что она выходила к голове, – это также означало лишение возможности для целой группы нового зачатия и новых поколений». Отдельно она описывает издевательства над мужскими телами: «когда одной палкой бамбука протыкали тело от ануса

к голове – это означало лишить народ разума, способности к политическим действиям»[44].

По крайней мере один достоверный факт подобного обращения с мужским телом зафиксирован на видео. Помимо упомянутых мотивов, речь может идти также о перверсии, согласно которой мужское тело, испытавшее подобные манипуляции, символизирует утрату одной из сторон мужского начала и, значит, неспособность к активному сопротивлению. Тем не менее подобные случаи единичны, и основную нагрузку символического насилия приняли на себя женщины.

Наиболее распространенным видом насилия явилось изнасилование женщин, чаще групповое и публичное. Насилию подвергались женщины от 13 до 50 лет, об этом есть более-менее достоверные свидетельства. Групповое глумление над женщиной призвано вывести этот акт из сферы сексуальных действий в социально-символическую: это не просто акт индивидуального физиологического удовлетворения, но акт публичного попирания «нами» «их». К этому же примыкает изнасилование как можно в более извращенной, с точки зрения традиционного понимания, форме. Вряд ли дело в изысканности сексуальных предпочтений нападавших, скорее, они стремились показать, что это не просто удовлетворение физиологических потребностей, но нечто большее.

Хотя нельзя не сказать и о собственно физиологическом аспекте. Многие очевидцы упоминают о том, что погромщики находились явно в сильном возбуждении (часто упоминаются «налитые кровью глаза» и «стоящий» член, в речи респондентов это описывается как «стоячка»). Чтобы объяснить этот феномен, респонденты охотно упоминают о том, что погромщикам и насильникам якобы давали какую-то специальную жидкость, что в фойе кинотеатра «Киргизия» были найдены коробки с конским возбудителем. Возможно, какие-то специальные средства и имели место. Но с равной вероятностью можно предположить, что многие из погромщиков были возбуждены от ощущения вседозволенности и собственной безнаказанности. Для многих из них это было таким контрастом со всей предыдущей жизнью, что они буквально не справлялись с ощущениями. Часть этих неконтролируемых эмоций под воздействием образов риторики «нация как единое тело» воплотилась в непреодолимом желании воспользоваться внезапно возникшим могуществом для реализации одновременно и собственных желаний и задач символического уничтожения противника. В частности, в показаниях одной из выживших жертв насилия утверждается, что после того как она подверглась групповому насилию на одной из площадей города в районе базара, один из насильников потащил ее за гаражи, где и произвел с ней несколько половых актов в извращенной форме. Очевидно, он не смог сдержать обычных эмоций, которые никак не желал удовлетворять публично.

Тем не менее гендерный анализ множества инцидентов, произошедших в городе Ош и вокруг него в период 10–14 июня, показывает, что групповой символизм играл важную роль в мотивации действий участников столкновений. Особенно это характерно для мобилизационных стратегий, применявшихся обеими сторонами. В основе этих стратегий лежало хорошо изученное представление о центральной роли образа женщины-матери в ходе создания и распространения концепции нации как коллективного тела. Как отмечает

известная исследовательница гендерных проблем постсоветского пространства Е. Гапова, «почти во всех странах, прошедших в Новое время через периоды национального возрождения и деколонизации, – будь то Центральная и Восточная Европа или Юго-Восточная Азия, – патриотически настроенные интеллектуалы видели в женщинах Мать нации, которая рожает, вскармливает, а нередко и отправляет сыновей в бой. В идеологиях национализма присутствуют матка-польска, матерь-Индия, матушка-Русь...»[45]. Развивая подобную аргументацию, израильская коллега Е. Гаповой Нира Юваль-Девис повторяет известный афоризм: нация – это «двое мужчин плюс защита женщин и детей на определенной территории»[46].

Подобные представления, очевидно, разделялись значительной частью участников событий с обеих сторон. Так, слухи об изнасилованных студентках мгновенно преодолевали все сомнения у самых здравомыслящих людей. Имеется немало примеров, когда, именно услышав об этих изнасилованиях, люди из других районов Ош бросались на их защиту, не вполне понимая куда, и часто становились жертвами случайных выстрелов. Именно слух об изнасилованных студентках в Оше в несколько минут смел все здравые рассуждения о том, нужно или не нужно идти «воевать с узбеками», среди массы кыргызов из верхних сел, собравшихся на круге у ипподрома в Джалалабаде. Взбудораженные слухами о поджоге юрты Бакиева, они решались идти дальше, понимая зыбкость подобных оправданий своих действий. Информация же об изнасилованиях камня на камне не оставила от этих сомнений. Такова власть символических представлений среди людей, считающих себя вполне современными.

Подобным же образом действовала сила мобилизации, исходящая от женщин. Тысячи людей на круге около того же ипподрома в Джалалабаде не решались двигаться к городу, но причитания десятков женщин, оплакивающих погибших и раненых, которых провозили по этому кругу, прежде чем везти в родные аилы, действовали на людей подобно заклинаниям. Очевидно, они воспринимали эти причитания как признак возможной угрозы со стороны врага по отношению к женщинам, воплощавшим в себе сам дух женщины нации, Родины-Матери (рис. 5).

Совершенно симметричная ситуация произошла 11 июня в селе Араван, на 70% заселенном узбеками. Толпа узбеков собралась утром в центре села под воздействием тревожных слухов о событиях в Оше. Они пытались пройти в город, но остановились на выходе из села, так как поступила информация о том, что дорога на Ош перекрыта толпами кыргызов из придорожных сел. В этот момент несколько пожилых женщин-узбечек стали причитать, кричать и плакать над тем, что бессильная молодежь не желает спасать их беззащитных дочек, которые остались в горящем Оше. Некоторые из плакальщиц даже катались по земле в истерике. Такого зрелища узбеки не могли выдержать, и они ринулись в город по дороге, которая была заблокирована кыргызской толпой. Попытка оказалась неудачной и с самого начала была обречена на провал, но не предпринять ее они не могли.

Таким образом, роль женщины как символического центра нации была чрезвычайна важна в формировании мотивов действий сторон. К началу активного противостояния не существовало четко разграниченных двух групповых субъектов конфликта: разные индивиды и группы людей имели свое

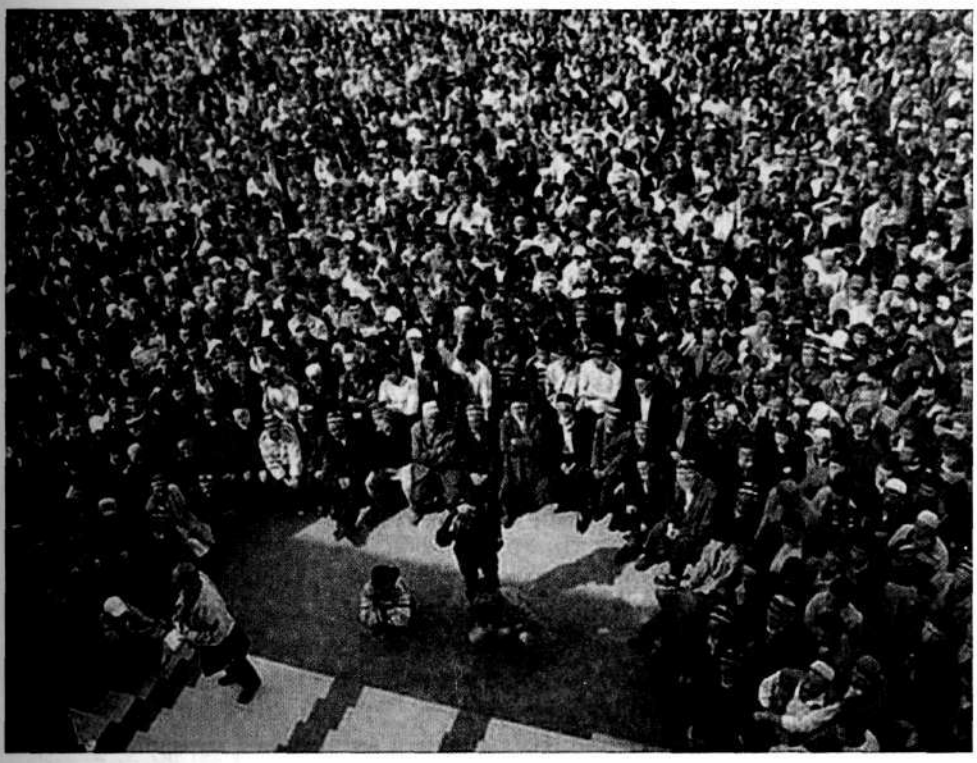

Рис. 5. **Этническая мобилизация**

видение ситуации и свои мотивы поведения, не во всем согласованные с другими «своими». Через три дня абсолютное большинство жителей Оша стали думать и чувствовать либо как «кыргызы» либо как «узбеки». Произошло это во многом и потому, что в ходе развертывания событий рациональная логика поведения была серьезно деформирована «нашей» защитой «своих» женщин и унижением «их». Это позволило «нашим» не только почувствовать себя достойными членами своей группы, но и ощутить контраст с неприглядным видом или состоянием той «стороны», которая издевалась над «нашими» женщинами и не могла защитить «своих».

* * *

Июньские события 2010 г. на юге Кыргызстана, когда произошли массовые случаи насилия против гражданского населения, стали результатом экономической слабости и политической нестабильности, соперничества множества самых различных группировок за власть и ресурсы, эмоционального взрыва и хаоса толпы. Свести все эти факторы к аналитической модели этнического конфликта, в котором есть только две стороны – кыргызы и узбеки, будто бы извечно враждующие между собой, было бы слишком сильным упрощением. Однако это не означает, что для понимания произошедшего сами категории «кыргызы» и «узбеки», т.е. понятие «этничность», следует вывести за пределы исследовательского поля. Акторы – участники столкно-

вений, и не они одни, видели и оценивали происходящее, исходя из противопоставления кыргызов и узбеков, эти этнические ярлыки становились решающими в той ситуации для определения цели насильственных действий и для защиты от них. Для исследователя стоит, следовательно, задача объяснить, почему и как именно этничность превратилась в главное средство разграничения и мобилизации.

События в Оше, Джалалабаде и других местах имели целый ряд дискурсивных пластов, отсылающих к разным типам легитимации насилия. Мы видим политические, социальные, гендерные и прочие мотивации в том, каким образом вовлеченные люди оправдывают свои поступки и решения. Мы видим также, что все эти разные мотивации прочитываются людьми при помощи отсылок к этничности. Этничность, которая не имеет собственного основания, сцепляет между собой разные аргументы и представляет в виде систематизированной, целостной и универсальной картины, которая позволяет переводить любой частный (политический, социальный, гендерный и т.д.) интерес в общедоступный и разделяемый всеми (не только личным окружением) код. Ссылка на этничность обладает еще одним важным качеством – она нагружает (и тем самым усиливает) рациональные аргументы и расчеты эмоциональной силой (которые В.А. Тишков квалифицировал как «паранойю»), делает связь людей и вытекающие из нее обязательства императивом, который предписывает определенный взгляд и язык, не спрашивая у отдельного человека согласия принять их. Этничность кыргызов и узбеков превращается в дискурсивную рамку, выйти за пределы которой можно, но при таких обстоятельствах, которые не всем доступны и не всеми желаемы.

Говоря об этничности и этнических разделениях, мы не стали бы сводить проблему их воспроизводства к деятельности элит (этнических предпринимателей). Хотя политическая и культурная элита Кыргызстана (и Узбекистана), безусловно, оказывает большое влияние на то, каким образом структурируется этнический язык и фокусируется этнический взгляд, этнизация общества является кумулятивным эффектом действий самых разных обстоятельств в самых различных сферах. Мы хотели бы обратить внимание, что этничность уже материализовалась во многих социальных институтах, в разного рода артефактах и объектах, в телах, в ритуалах, она окружает человека в его повседневной жизни и указывает то, как ему видеть и говорить. Такая «материализация» совершалась на протяжении всего советского времени, в независимом же Кыргызстане этот процесс не просто продолжился, но и приобрел новый масштаб, новую глубину. Означает ли сказанное, что процесс этнизации нельзя теперь повернуть вспять? Мы надеемся, что такой поворот возможен, но для этого необходимо полностью переструктурировать язык, с помощью которого люди рассуждают о стране и о себе.

[1] Отчет Международной независимой комиссии по исследованию событий на юге Кыргызстана в июне 2010 года. Бишкек, 2011. См. также: Комментарии Правительства Кыргызстана к Отчету Международной независимой комиссии по исследованию событий на юге Кыргызстана в июне 2010 года. Бишкек, 2011. См. результаты других расследований: Хроника насилия: события июня 2010 г. на юге Кыргызстана (Ошский регион). Oslo, 2012; «Were is the Justice?»: Interethnic Violence in Southern Kyrgyzstan and Its Aftermaths. Human Rights

Watch, 2011; The Pogroms in Kyrgyzstan // Asia Report. № 93. International Crisis Group, 2010.

[2] Впрочем, и стратегия неупоминания этничности может стать инструментом манипуляции: отказ властей Кыргызстана объявить национальность погибших или арестованных воспринимался как попытка скрыть тот факт, что главными жертвами стали узбеки.

[3] *Петрик Б.* Киргизы и узбеки в Оше: очередной этнический конфликт? // http://www.fergananews.com/article.php?id=6631

[4] В 1989 г., за год до этого, имели место погромы и столкновения в городах и селениях Узбекистана, в основном в той же Ферганской долине, которые воспринимались участниками тех событий как *этнический конфликт* между узбеками и турками-месхетинцами (народом, который был сослан в Среднюю Азию в 1944 г.). Об этих событиях с критикой *этнического* объяснения см.: *Осипов А.Г.* Ферганские события 1989 года (конструирование этнического конфликта) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты / Ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков. М., 2004. С. 164–223. Мы оставляем эту историю за рамками настоящей статьи.

[5] *Тишков В.А.* Анализ этнического насилия в Ошском конфликте // *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 320–353 (на английском: *Tishkov V.* «Don't Kill Me, I'm a Kyrgyz!»: An Anthropological Analysis of Violence in the Osh Ethnic Conflict» // Journal of Peace Research. 1995. Vol. 32, N 2. P. 133–149).

[6] *Тишков В.А.* Анализ этнического насилия в Ошском конфликте. С. 321–322.

[7] См. критику политики «построения мира» в регионе: *Heathershaw J.* Post-Conflict Tajikistan: The politics of peacebuilding and the emergence of legitimate order. London; New York, 2009; *Bichsel C.* Conflict Transformation in Central Asia: Irrigation Disputes in the Ferghana Valley. London; New York, 2009; *Petric B.-M.* Post-Soviet Kyrgyzstan or the birth of a globalized Protectorate // Central Asian Survey. 2005. N 24(3). P. 319–332.

[8] *Reeves M.* Locating danger: *konfliktologiia* and the search for fixity in the Ferghana Valley borderlands // Central Asian Survey. 2005. N 24(1). P. 67–81.

[9] *Megoran N.* On researching «Ethnic Conflict»: epistemology, politics, and a Central Asian boundary dispute // Europe-Asia Studies. 2007. N 59(2). P. 253–277.

[10] Ibid. P. 273.

[11] *Megoran N.* The background to Osh: stories of conflict and coexistence // http://www.opendemocracy.net/od-russia/nick-megoran/background-to-osh-stories-of-conflict-and-coexistence.

[12] *Ривз М.* Этнизация насилия в Южной Киргизии // http://www.polit.ru/institutes/2010/06/23/kirgiz.html.

[13] См., например: *Brubaker R.* Nationalist politics and everyday ethnicity in a Transylvanian town. Princeton; Oxford, 2006; *Brubaker R.* Ethnicity without Groups. Cambridge, 2004; *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами «идентичности» // Ab Imperio. 2002. № 3.

[14] *Brubaker R.* Nationalist politics and everyday ethnicity. P. 7.

[15] *Brubaker R.* Ethnicity without Groups. P. 92.

[16] *Brubaker R.* Nationalist politics and everyday ethnicity. P. 207.

[17] *Brubaker R.* Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge University Press, 1996. P. 4–6, 9 и др.

[18] См.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London, 2005; *Абашин С.Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007.

[19] Конституция, принятая в июне 2010 г., после Ошских событий (но, конечно, не в результате их), убрала упоминания кыргызов, оставив лишь двусмысленное выражение «кыргызская государственность». Впрочем, в законах и других официальных документах формула «кыргызы и другие группы» сохранилась.

[20] «Мекеним Кыргызстан»: Концепция этнической политики и консолидации общества Кыргызской республики (проект). Бишкек, 2011. С. 30–31. См. также: *Тишков В.А.* Анализ этнического насилия в Ошском конфликте. С. 323.

[21] Перепись 2009 г. в Кыргызской республике // http://www.stat.kg/rus/part/census.htm.

[22] Известная певица Юлдуз Усманова написала песню о событиях в Кыргызстане // http://www.fergananews.com/news.php?id=15045.

[23] *Liu M.* Under Solomon's Throne: Uzbek Visions of Renewal in Osh. Pittsburgh, 2012. P. 43–73.
[24] http://www.stat.kg/rus/part/census.htm.
[25] См. ситуацию в 1990 г.: *Тишков В.А.* Анализ этнического насилия в Ошском конфликте. С. 322–323.
[26] Французский исследователь Оливье Феррандо считает, что ожидаемый рост числа кыргызов был бы ниже, а узбеков, наоборот, выше: это можно объяснить либо тем, что статистика была неточной, либо часть узбеков записалась кыргызами (*Ferrando O.* Manipulating the Census: Ethnic Minorities in the Nationalizing States of Central Asia // Nationalities Papers. 2008. N 36(3). P. 503).
[27] Отчет Международной независимой комиссии по исследованию событий на юге Кыргызстана в июне 2010 года. С.17, 26. К слову, недостаток «доказательств» в таких случаях с лихвой компенсируется слухами и подделками. Так, в Youtube появились грубо подделанные якобы записи переговоров Батырова и члена Временного правительства Атамбаева, где вопрос об «автономии» открыто обсуждался (http://www.youtube.com/watch?v=qM3xoG9q0iQ).
[28] Лишь один раз, после первой «революции» 2005 г. узбек Анвар Артыков оказался на должности губернатора Ошской области, но не продержался там и года.
[29] Лишь на «предреволюционных» выборах 2005 г. статус депутатов получили 6 или 7 узбеков.
[30] *Fumagalli M.* Framing ethnic minority mobilisation in Central Asia: The cases of Uzbeks in Kyrgyzstan and Tajikistan // Europe-Asia Studies. 2007. N 59(4). P. 567–590.
[31] Ассамблея была создана в 1994 г. при Аскаре Акаеве, в 1997 г. она получила статус «консультативно-совещательного совета при президенте по вопросам межнациональных отношений и национальной политики». Такого рода ассамблеи существуют в Казахстане и Узбекистане. Любопытно, что имеется путаница с названием ассамблеи: «народа» или «народов» Кыргызстана.
[32] *Ушакин С.* «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма:пункты / Состав. С. Ушакин, Е. Трубина. М., 2009. С. 23.
[33] Сайт, представляющий «кыргызскую» сторону: http://www.osh-reality.info/, «узбекскую»: http://uzbektragedy.com/. В 2011 г. эта видеодискуссия продолжилась в виде фильмов «Факты геноцида» и «Коолаган».
[34] *Ушакин С.* Указ. соч. С. 13.
[35] Там же. С. 9–10.
[36] См. обзор отношений Узбекистана и Кыргызстана: *Хамидов А., Бекболотов К.* Кыргызстан и Узбекистан: от вечной дружбы к трезвой политике // http://www.ipp.kg/ru/analysis/233/.
[37] *Койчиев А.* Национально-территориальное размежевание в Ферганской долине (1924–1927 гг.). Бишкек, 2001. С.48; История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов. Бишкек, 2003. С. 230–231.
[38] История кыргызов и Кыргызстана. С. 132–148. См. также: *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977.
[39] В июне 2011 г., в годовщину трагедии 2010 г., в Оше была открыта монументальная композиция «Слезы матерей», изображающая склонивших друг к другу головы кыргызской и узбекской женщин, которые плачут и обнимают друг друга, а 10 июня был объявлен официальным днем поминовения. Это выглядит другим сценарием памяти и боли, но какое место он займет в обществе – покажет время.
[40] *Тишков В.А.* Анализ этнического насилия в Ошском конфликте. С. 342–343.
[41] Там же. С. 346.
[42] И. Савин работал в качестве приглашенного эксперта при подготовке материалов к докладу Международной независимой комиссии.
[43] *Feldman A.* Formation of Violence: The Narrative of the Body and Political Terror in Northern Ireland. Chicago, 1991. P. 12.
[44] *Malkki L.* Purity and Exile: Violence, Memory and National Cosmology among Hutu Refugees in Tanzania. Chicago; London, 1997. P. 92.
[45] *Гапова Е.* Гендер и постсоветские нации: личное как политическое // Ab Imperio. 2007. N 1. С. 315.
[46] *Yuval-Davis N.* Gender and Nation. L., 1997. P. 39.